

Элегантная классика
ТЕМНАЯ ЛЮБОВЬ

Истории о призраках

Сборник рассказов
зарубежных писателей

Москва
2024

УДК 821-312.9
ББК 84(0)-44
И90

Художественное оформление переплета
Натальи Каиштыкиной

Истории о призраках : [переводы]. — Москва : Эксмо, И90 2024. — 464 с.

ISBN 978-5-04-190970-3

XIX век и начало XX — эпоха расцвета жанра страшного рассказа в литературе Старого и Нового Света. В оригинальном сборнике «Истории о призраках» мистические рассказы европейских и американских авторов о представителях потустороннего мира — призраках: ужасающие призраки и их несчастные жертвы, любовь, продолжающаяся после смерти, благородные привидения-спасители и прочие таинственные истории.

О драматичных, подчас смертельно опасных столкновениях обыденного и фантастически жуткого повествуют всемирно известные мэтры литературного мейнстрима (Генри Джеймс, Чарльз Диккенс, Джозеф Конрад), признанные мастера готической новеллистики (Джозеф Шеридан Ле Фаню, Амелия Эдвардс, Монтегю Родс Джеймс, Эдвард Фредерик Бенсон) и незаслуженно забытые ныне прозаики, такие как Эдит Уортон, Вернон Ли, Луиза Болдуин, Сэйбин Бэринг-Гулд, Персеваль Лэндон.

УДК 821-312.9
ББК 84(0)-44

- © Антонов С., перевод на русский язык, составление, 2024
- © Брилова Л., перевод на русский язык, 2024
- © Гурова И., перевод на русский язык. Наследник, 2024
- © Полищук В., перевод на русский язык, 2024
- © Роговская Н., перевод на русский язык, 2024
- © Куренная М., перевод на русский язык, 2024
- © Чарный В., перевод на русский язык, 2024
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-190970-3

ТОМАС ФРЭНК ХИФИ

1813–1873

УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ О ПРИЗРАКЕ

Я художник. Майским утром 1858 года я, как обычно, работал в своей мастерской. В час, слишком ранний для визитов, меня навестил друг, с которым я двумя годами раньше свел знакомство в Ричмондских казармах Дублина. Он был капитаном Третьего Западно-Йоркширского полка, и оказанный мне там радушный прием, вкупе с дружескими отношениями, что сложились между нами, обязывал меня устроить гостю подобающую встречу; в результате мы до двух часов пополудни засиделись за оживленной беседой, сигарами и хересом. Неожиданно раздался звонок дверного колокольчика, и я вспомнил о сеансе, назначенном мною на это время юной натурщице с милым личиком и прелестной шейкой, демонстрацией которых она зарабатывала на жизнь. Нерасположенный работать, я уговорил девушку прийти на следующий день, пообещав, разумеется, компенсировать ей потерю времени. Она ушла, но минут через пять вернулась и вполголоса сооб-

щила, что надеялась получить сегодня плату за сеанс и теперь стеснена в средствах, — словом, не мог бы я дать ей по крайней мере часть причитающейся суммы? Вопрос был легко решен, и девушка вновь удалилась. По соседству с моей улицей есть другая, с очень похожим названием, и люди, прежде у меня не бывавшие, нередко по ошибке попадают именно туда. Путь натурщицы пролегал как раз через эту улицу, и, когда девушка оказалась там, ее остановили дама и джентльмен, искавшие мое жилище. Позабыв точный адрес, они принялись расспрашивать прохожих; и таким образом через несколько минут после встречи с юной особой эта пара очутилась у меня в комнате.

Мои новые посетители были мне незнакомы. Выяснилось, что им довелось видеть одну из моих работ и они хотят заказать мне портреты всех членов своей семьи, включая детей. Их не отпугнула названная мною цена, и они попросили разрешения осмотреть мастерскую, желая выбрать стиль и размеры будущих полотен. Мой друг из Третьего Западно-Йоркширского полка с бесконечной непринужденностью и веселостью вызвался быть их гидом и пустился разглагольствовать о достоинствах каждой картины в манере, которую я не мог бы позволить себе в силу робости, естественной для всякого художника, когда заходит речь о его работах. Посетители остались довольны осмотром и спросили, смогу ли я приехать для написания портретов в их усадьбу, расположенную в сельской местности; поскольку это не составляло для меня никакого труда, заказ был принят на предстоящую осень, с условием, что позднее я уточню письмом дату своего приезда. Договорившись обо всем, джентльмен оставил мне свою карточку, и мы расстались. Вскоре после этого мой друг тоже ушел. Через некоторое время я бросил взгляд на оставленную заказчиком визитку и был слегка обескуражен, обнаружив, что на ней значатся лишь имена мистера и миссис Киркбек, но нет адреса. Я попытался отыскать его в придворном адрес-календаре, но там не оказалось такой фамилии, и посему, кинув карточку в ящик письменного стола, я на какое-то время забыл об этом деле.

В начале осени я получил несколько заказов, для выполнения которых мне пришлось отправиться на север Англии. Где-то в конце сентября 1858 года я присутствовал на званом ужине в одном загородном доме на границе Йоркшира и Линкольншира. Я не был знаком с этим семейством и вообще попал туда совершенно случайно. Я гостил у приятеля, жившего неподалеку, и тот пригласил меня отправиться с ним за компанию в упомянутый дом, с хозяевами которого он дружил и куда в тот самый вечер собирался на ужин. Вечеринка оказалась многолюдной, и к тому времени, когда с главными блюдами было покончено и настала пора переходить к десерту, за столом царило изрядное оживление. Должен признаться, слух у меня неважный, а иногда притупляется сверх обычного, — и в тот вечер я был глух настолько, что до меня доносился лишь неясный гул голосов, звучащих вокруг. Впрочем, в какой-то момент я все же отчетливо расслышал одно слово, хотя говоривший и сидел довольно далеко от меня, и слово это было «Киркбек». В круговерти лондонского сезона я напрочь позабыл о своих весенних посетителях, оставивших мне карточку без адреса. В этих обстоятельствах услышанное слово привлекло мое внимание и незамедлительно отозвалось у меня в памяти. При первой же возможности я осведомился у своего собеседника, не проживает ли по соседству семейство, носящее упомянутую фамилию. Он ответил, что некий мистер Киркбек живет в А., в отдаленной части графства. На следующее утро я отправил названному джентльмену письмо, где высказал предположение, что именно он заходил весной ко мне в мастерскую и договорился со мной о работе, которую мне помешало выполнить отсутствие адреса на его карточке; к этому я добавил, что в ближайшее время, возвращаясь с севера, окажусь неподалеку от места, где он живет; в заключение я просил мистера Киркбека не утруждать себя ответом в том случае, если в письме шла речь не о нем. В качестве своего адреса я указал Йоркский почтамт. Обратившись туда через три дня, я получил письмо от мистера Киркбека, гласившее, что он чрезвычайно рад весточке от меня и что,

если я навещу его по дороге, он приготовит все необходимое для предстоящей работы; мистер Киркбек также просил меня написать ему за день до предполагаемой даты приезда, дабы он не оказался занят по моем прибытии другими делами. В конце концов мы условились, что я нанесу ему визит в следующую субботу, пробуду в его доме до утра понедельника, затем разберусь с делами, требующими моего присутствия в Лондоне, после чего спустя две недели вернусь в усадьбу для выполнения заказа.

В назначенный для визита день я сразу после завтрака сел в утренний поезд, следовавший из Йорка в Лондон. Поезд делал остановку в Донкастере, а затем на узловой станции Ретфорд, где я должен был пересест в другой, шедший через Линкольн в А. День стоял холодный, туманный, дождливый — словом, такой же неприятный, как и всякий октябрьский день в Англии. В купе никого, кроме меня, не было, но в Донкастере вошла дама. Я располагался против движения поезда, рядом с дверью, и, обнаружив, что это место предназначено для женщин, предложил ей своей попутчице; но та, учтиво поблагодарив меня, отказалась и села напротив, весьма доброжелательным тоном заметив, что любит, когда ей в лицо веет свежий ветер. Следующие несколько минут пассажирка устраивалась поуютнее — расстелила на сиденье плащ, поправила подол платья и застегнула перчатки; эти легкие прихорашивания, которым женщины имеют обыкновение предаваться, располагаясь поудобнее в церкви или где-либо еще, увенчались наконец тем, что она откинула скрывавшую лицо вуаль, завернув ее поверх шляпки. Теперь я видел, что дама была молода, явно не старше двадцати двух или двадцати трех лет; и, если бы не ее довольно высокий рост и крепкая стать, а также решительность, сквозившая в выражении ее лица, она выглядела бы еще на пару лет моложе. Полагаю, внешность ее можно отнести к контрастному типу: волосы у нее были светло-каштановые, с рыжинкой, а глаза и резко очерченные брови — почти черные. Большие глаза и строгая линия губ смотрелись особенно выразительно на фоне блед-

ных, казавшихся прозрачными щек. В целом она была скорее миловидной, чем красивой; ее взгляд отличался приятной глубиной и гармонией, благодаря которым черты лица, пусть и не безукоризненно правильные, становились бесконечно более привлекательными, чем если бы они точно соответствовали законам симметрии.

Превеликая удача — обрести в долгой и утомительной поездке дождливым днем славного спутника, который расположен к общению и способен поддерживать интересный разговор, позволяющий забыть о расстоянии и дорожной скуке! В этом смысле мне не на что было жаловаться, ибо дама оказалась весьма приятной и красноречивой собеседницей. Удобно устроившись напротив, она попросила разрешения заглянуть в справочник Брэдшо, что был у меня при себе, но, не сумев в нем сориентироваться, решила прибегнуть к моей помощи и осведомилась, в котором часу поезд, следуя обратно из Лондона в Йорк, снова достигнет станции Ретфорд. Далее разговор перешел на общие темы, и, к некоторому моему удивлению, она завела речь о довольно своеобразных материях, которые были по определению ведомы мне лучше всего; более того, я не мог не заметить, что ее реплики, не содержавшие и толики фамильярности, оставляли вместе с тем впечатление, будто она знает меня лично или по чьим-то рассказам. В том, с каким вниманием моя собеседница слушала меня, сквозило нечто доверительное, что необычно для незнакомого человека, а ее собственные замечания временами и впрямь как будто намекали на различные обстоятельства моего прошлого. Наш разговор продолжался уже три четверти часа, когда поезд прибыл в Ретфорд, где я должен был сделать пересадку. Покидая купе, я пожелал своей попутчице хорошего дня, а она сделала легкое движение рукой в мою сторону, и, когда мы обменялись рукопожатием, сказала на прощание: «Полагаю, мы с вами еще встретимся», — на что я ответил: «Я надеюсь, мы все еще встретимся». На этом мы расстались — она направилась в Лондон, а я через Линкольншир в А. Остаток моего путешествия был пасмурным, скучным и однооб-

разным. Отсутствие приятной беседы я пытался восполнить чтением книги, которую захватил с собой, выезжая из Йорка, и номера «Таймс», купленного в Ретфорде. Однако самая утомительная дорога рано или поздно заканчивается, и под вечер, в половине шестого, я прибыл к месту назначения. Экипаж, ожидавший меня возле станции, ожидал также и мистера Киркбека, который должен был вернуться этим же поездом, но, поскольку он не появился, стало ясно, что он прибудет спустя полчаса следующим рейсом; таким образом, я отправился в усадьбу один.

Поскольку хозяева усадьбы покамест отсутствовали, я сразу прошел в отведенную мне комнату, чтобы распаковать вещи и переодеться, а затем спустился в гостиную. На семь вечера был назначен ужин, до которого, вероятно, еще оставалось какое-то время, так как светильники не были зажжены; вместо них в гостиной горел большой камин, освещавший каждый угол, и особенно ярко — даму в черном платье, которая, облокотившись о каминную полку, грела весьма изящную ножку, поставив ее на край решетки. Она стояла спиной к двери, в которую я вошел, и в первый момент я не мог видеть ее лица, но, когда я оказался посреди комнаты, дама, незамедлительно убрав ногу с решетки, приветственно обернулась ко мне, и я был глубоко изумлен, узнав в ней свою давешнюю попутчицу. Она же при виде меня не выказала ни малейшего удивления — напротив, с милым и радостным выражением, которое делает привлекательной даже самую невзрачную женщину, произнесла: «Я ведь говорила, что мы еще встретимся».

В тот момент я был настолько сбит с толку, что не мог вымолвить ни слова. Я не знал ни железнодорожной линии, ни какого-либо иного пути, которым эта дама могла бы добраться до усадьбы Киркбеков раньше меня. Я был уверен, что расстался с ней в лондонском поезде, и собственными глазами видел, как он отправляется; посему прибыть сюда она могла лишь доехав до Питерборо и затем проследовав по какой-то местной ветке в А., то есть сделав крюк в добрые девяносто

миль. Когда ко мне вернулся дар речи, я сказал незнакомке, что хотел бы воспользоваться тем же способом передвижения, который избрала она.

— Это было бы весьма затруднительно, — возразила дама.

В эту минуту вошел слуга со светильниками в руках и, обратившись ко мне, доложил, что хозяин только что вернулся и через несколько минут спустится в гостиную.

Тем временем дама принялась листать какой-то альбом и, задержав взгляд на одной из гравюр (это был портрет леди ***), попросила меня внимательно рассмотреть изображение и сказать, не нахожу ли я в нем сходства с нею.

Я уже собирался сказать ей, что я думаю, когда появились мистер и миссис Киркбек; они сердечно пожали мою руку, извиняясь за то, что не смогли меня встретить, и затем хозяин дома попросил меня сопроводить его жену к обеденному столу.

Я подал хозяйке руку и на мгновение задержался, чтобы пропустить вперед мистера Киркбека с загадочной дамой в черном, но миссис Киркбек, похоже, не поняла моего намерения, и мы не мешкая проследовали в столовую. За ужином собрались лишь мы четверо, так что места с лихвой хватило всем: хозяева расположились на противоположных концах стола, а дама в черном и я сели по разные стороны от них. За ужином велся обычный в подобных обстоятельствах разговор. Я, как подобает учтивому гостю, беседовал главным образом, если не исключительно, с хозяевами дома, и не припомню, чтобы кто-то из нас троих хоть раз обратился к даме, сидевшей напротив меня. Сопоставив это с легким небрежением, проявленным к ней Киркбеками при входе в столовую, я предположил, что эта дама — гувернантка. Вместе с тем я заметил, что ужинала она с отменным аппетитом, воздав должное и мясу, и сладкому пирогу, и затем кларету; вероятно, она не успела в этот день пообедать или изрядно проголодалась во время путешествия.

Ужин закончился, дамы удалились в гостиную, и мы с мистером Киркбеком, выпив обычного в таких случаях порт-

вейна, присоединились к ним. К тому времени, впрочем, общество стало более многолюдным: прибыли жившие по соседству родственники хозяев, а кроме того, мне были представлены дети четы Киркбек и их гувернантка мисс Хардвик. Тут я понял, что ошибся, приписав эту роль даме в черном платье. Сказав ряд комплиментов детям и несколько слов — своим новым знакомым, я снова оказался ее собеседником, и, поскольку за ужином много говорилось о портретной живописи, моя недавняя попутчица продолжила эту тему.

— Как вы полагаете, смогли бы вы написать мой портрет? — поинтересовалась она.

— Думаю, при случае смог бы, — ответил я.

— Что ж, взгляните на меня повнимательнее и скажите: сумеете ли вы спустя время вспомнить черты моего лица?

— Я уверен, что никогда их не забуду.

— Конечно, мне следовало ожидать подобного ответа; но скажите, вы уверены, что сможете запечатлеть меня по памяти?

— Ну, если это потребуется, я постараюсь; но почему бы вам не дать мне несколько сеансов?

— Нет, это невозможно, решительно невозможно. Говорят, что лицо на гравюре, которую я показывала вам перед ужином, напоминает мое; а вы как думаете?

— Мне так не кажется, — отозвался я. — У него другое выражение. Если бы вы согласились даже на один сеанс, и то было бы лучше, чем ничего.

— Нет, я не могу.

Вечер был уже довольно поздний, и в гостиную внесли свечи; сославшись на сильную усталость, дама тепло пожала мне руку и пожелала доброй ночи. Уснуть я, однако, так и не смог и до самого утра терялся в догадках, кем была моя таинственная знакомая. Я не был представлен ей, не видел, чтобы она на протяжении вечера перемолвилась с кем-либо хоть единым словом, более того, уходя, она ни с кем, кроме меня, не простилась. Каким образом она добралась до усадьбы через всю территорию графства, оставалось непостижимой тайной. Наконец, почему она хотела, чтобы я написал ее портрет по

памяти, и почему так упорно отказывалась позировать? Затруднившись ответить себе на эти вопросы, я решил забыть о них до утра, рассчитывая, что за завтраком вся эта ситуация так или иначе разъяснится.

Наступило время завтрака, однако дама в черном не появилась за столом. Трапеза завершилась, мы направились в церковь, вернулись домой к ланчу — но и эти часы, и весь дальнейший день прошли в отсутствие и самой дамы, и какого бы то ни было упоминания о ней. Из этого я заключил, что она, должно быть, родственница Киркбеков, которая рано утром уехала навестить другого члена семьи, жившего по соседству. И все же я был немало озадачен тем, что хозяйева за целый день ни разу даже не вспомнили о даме в черном платье, и в конце концов, не найдя никакого повода заговорить с ними на эту тему, отправился почивать в еще большем недоумении, чем в первый вечер. Наутро я решил спросить у пришедшего слуги, как зовут даму, которая ужинала с нами вечером в субботу, и он ответил:

— Даму, сэр? Не было никакой дамы, только миссис Киркбек, сэр.

— Я имею в виду даму в черном платье, которая сидела напротив меня.

— Вероятно, это мисс Хардвик, гувернантка, сэр.

— Нет, не мисс Хардвик — она пришла позднее.

— Никакой другой дамы я не видел, сэр.

— Ну как же! Дама, облаченная в черное платье, которая находилась в гостиной, когда я приехал, еще до того, как мистер Киркбек вернулся домой.

Слуга удивленно воззрился на меня, словно сомневаясь, в своем ли я уме, и затем, коротко повторив: «Никакой дамы я не видел, сэр», ушел.

Тайна представлялась теперь еще более непостижимой, чем прежде, — я размышлял над ней так и этак, но никакого объяснения происшедшему отыскать не сумел. Наутро в понедельник завтрак был подан раньше обычного времени, дабы я успел на первый лондонский поезд; по той же причи-

не наш разговор за завтраком проходил в некоторой спешке и касался лишь цели моего визита в усадьбу; так что, условившись вернуться через три недели для написания портретов, я простился с хозяевами и уехал в Лондон.

Не могу не упомянуть о своем втором визите в усадьбу, во время которого мистер и миссис Киркбек недвусмысленно заверили меня в том, что никакой четвертой персоны в подразумеваемый субботний вечер за столом не было. Их воспоминания на сей счет были тем более определенными, что в тот день они обсуждали, не стоит ли пригласить на ужин мисс Хардвик, гувернантку, и решили этого не делать; равным образом они не смогли назвать в кругу своих знакомых никакой другой дамы, которая подходила бы под мое описание.

Прошло еще несколько недель. Близилось Рождество. Однажды, когда короткий зимний день клонился к закату, я сидел за столом и писал письма, которые собирался отправить с вечерней почтой. Я располагался спиной к двустворчатой двери, что вела в комнату, где мои посетители обычно ожидают приема. Я уже несколько минут занимался письмами, когда, не будучи потревожен каким-либо звуком или движением, вдруг осознал, что некто проник через упомянутую дверь и теперь стоит подле меня. Обернувшись, я увидел перед собой даму, которую пару месяцев назад встретил в поезде. Вероятно, у меня был несколько удивленный вид, ибо после обычного приветствия она произнесла: «Простите, что потревожила вас. Вы, должно быть, не слышали, как я вошла». Ее манера говорить стала более тихой и мягкой, чем прежде, но в голосе не звучало затаенной печали и тем паче скорби. Незнакомка переменилась, и характер этой перемены напоминал преобразование умной и темпераментной юной леди в спокойную и рассудительную девушку, которая уже обручена или недавно стала замужней женщиной и матерью семейства. Она спросила, не пробовал ли я писать ее портрет. Мне пришлось признаться, что нет. Мой ответ сильно огорчил ее, поскольку, как выяснилось, она хотела приобрести этот портрет для своего отца. У гостыи была при себе гравюра (пор-

трет леди М. А.), которая, как полагала дама, сможет помочь мне. Гравюра напоминала ту, о которой незнакомка спрашивала моего мнения в Линкольншире; по ее словам, все находили в этом портрете разительное сходство с нею самой, и она выразила желание оставить его мне. Затем гостья, порывисто коснувшись моей руки, сказала, что будет мне необыкновенно признательна, если я напишу ее портрет, и, помнится, добавила: «Как много от этого зависит!» Видя, насколько это для нее важно, я взял свой альбом для зарисовок и в слабом вечернем свете начал делать беглый карандашный набросок. Заметив это, она, как ни странно, не стала мне позировать, а, напротив, отвернулась и принялась рассматривать развешанные по стенам картины, переходя от одной к другой так, что я мог лишь мельком увидеть ее черты. Таким образом мне удалось сделать два торопливых, но весьма выразительных наброска; меркнувший свет не позволил мне продолжать, и я закрыл альбом, а моя гостья собралась уходить. На сей раз вместо обычного «До свидания» она произнесла многозначительное «Прощайте!» и, говоря это, не пожалала, а крепко стиснула мою руку. Я проводил ее до двери, и, переступив порог, дама не скрылась, а как будто растворилась в темноте. Впрочем, я счел этот эффект плодом собственного воображения.

Я незамедлительно позвал служанку и спросил, почему она не доложила о приходе посетительницы. Она стала уверять меня, что никого не впускала и что визитер, кто бы это ни был, должно быть, проник в дом полчаса назад, когда она на минутку отлучилась в лавку напротив, оставив входную дверь открытой.

Вскоре после этого случая мне поступил заказ из одного частного дома в Лестершире, расположенного неподалеку от Босуорт-филд. Я выехал из Лондона в пятницу, а неделей раньше отправил товарным поездом несколько холстов, слишком больших, чтобы везти их самому, и полагал, что к моменту моего прибытия посылка окажется в доме заказчика и мне не придется ее ожидать, понапрасну тратя время. Однако, добравшись до места назначения, я обнаружил, что